

**МИХАИЛ
СТРЕЛЬЦОВ**

ТУМАННОСТЬ КАРАПЕТОВ

Михаил Михайлович Стрельцов

Туманность карапетов

Серия «Аллея»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63803628

Туманность карапетов:

ISBN 978-5-9073550-5-7

Аннотация

«Туманность карапетов» – сборник рассказов Михаила Стрельцова, таких же пёстрых, как и сама жизнь.

Весёлое и грустное здесь всегда находятся рядом. О чём бы ни писал автор – о жизни, о любви, об искусстве, – его наблюдения всегда небанальны и очень метки. Эта книга включает в себя не только выдуманные истории, но и «ради красного словца» литературно обработанные факты. А что из них имело место быть, и чего никогда не было – решать предстоит читателю.

Содержание

Человек, которому веришь	5
От автора	8
Сиреневые будни	10
Большие пацаны	10
Теорема табака	11
Всегда актуальная притча	12
Ноу-хау	13
Анекдот	14
Сон в зимнюю ночь	16
Был ли мальчик?	19
Коротко о погоде	20
Звонок	22
Чёчка	23
Кормилец	25
Школьная пора	28
Классическая подставка	29
Сила искусства	31
Старый вопрос	32
Как мы с герой переписали историю физики	34
Первое сентября	37
Молин	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Михаил Михайлович
Стрельцов
Туманность карапетов**

© Издательство «Руда», 2020

© М. М. Стрельцов, наследники 2020

© А. В. Николаенко, иллюстрации, 2020

Человек, которому веришь

Михаил Михайлович был человек... На этом, в общем-то, можно и закончить предисловие, поскольку «человек» – это и просто человек со своими маленькими слабостями, и Человек, которому доверяешь.

Миша был человек неоднозначный. Внешне он мог выглядеть весёлым, благополучным, беззаботным, но думать в этот момент о чём-то своём – организаторские, книгоиздательские, писательские идеи существовали в этой голове одновременно, сюжетные линии реальности объективной и реальностей, в которых живут его герои, переплетались и пересекались таким образом, что на выходе всегда получался Миша – человек, который всё время что-то замышляет. Некоторые замыслы были совсем небольшими, как то: сказать мне, чтобы я выбрала стихи для озорного литературного вечера, а прочитать именно то, что я не выбрала. Некоторые замыслы были грандиозными, как то: создать мощнейшую в Сибири писательскую организацию. Замыслы были разными, многие из них не реализовывались, многие реализовывались. Вне зависимости от того, реализовался ли замысел, Миша всегда шёл вперёд.

Как-то, давным-давно, он спросил:

– Ты в меня веришь?

Я посмотрела на него, он был небольшого роста, тогда

Миша казался мне странным. Я сказала:

– Да, я в тебя верю.

Время показало, что этому человеку можно верить.

Мише важны были люди, очень важны. Ему было важно как делать что-то для людей, так и их признание.

Он организовал первый в Сибири поэтический конкурс «Король поэтов» – конкурс, который давал авторам возможность интегрироваться в сообщество, лучше узнать друг друга, показать себя. Наверное, Миша любил людей. Он и к героям к своим относился как к людям. За все десять лет знакомства он ни разу ни о ком не сказал плохого слова.

Миша, при всей его манере поведения весельчака, был тонким и вдумчивым, его мозг решал самые сложные коммуникативные задачи, ему это было интересно. При этом у него была богатая внутренняя жизнь. Как-то он рассказал, что во сне видел, что планирует гениальный проект.

– И, – говорит, – я понимаю, как там что с чем стыкуется, и понимаю, насколько это просто и возможно, и вот он – руками потрогать можно... Но... Просыпаюсь. И, конечно же, всё забыл.

Но, я думаю, он всё запомнил, потому что после этого он успешно реализовал несколько своих идей, как организаторских, так и писательских.

Миша был не только мозг, он был и душа, и сердце. (Сейчас перед глазами его лицо, хитрый прищур, и он спрашивает:

«Душа – это же деепричастие?») Нет, Миша. Душа – это существительное. И это ты, Миша.

Миша был единственным человеком, который написал предисловие к моей первой книге. Я рада, что пишу предисловие к его книге, и мне очень жаль, что я делаю это не при его жизни.

Ольга Гуляева

От автора

В юном возрасте карапетами¹ мы называли не только детёнышей, но и ровесников-коротышек. На наш взгляд, их объединял не только маленький рост, но и некая недооформлен-

¹ *Карапет – коротышка, ребёнок. – Прим. редактора. Далее в тексте все примечания авторские.*

ность. Действия их зачастую казались алогичными, туманными, но веселили. Так и короткие, порой – совсем крохотные рассказы этой книги: о событиях незначительных, вероятно, бессмысленных. Перед которыми всё же любой человек нормального роста может оказаться карапетом. Потому что короткая проза всегда тяготеет к притчевости. Даже несмотря на авторскую орфографию.

Удивительно, но чем меньше человек, тем обширней его фантазии, при помощи которых тянется он к некоему общему знаменателю, стремясь стать большим или – хотя бы – значимым. При этом не только по поводу себя фантазирует, но и других наделяет качествами, порой им несвойственными, представляя себе события, которых никогда не было. Однако и знает о событиях, которые в действительности происходили. Оттого эта книга включает в себя не только выдуманные истории, но и «ради красного словца» литературно обработанные факты. А что из них имело место быть, и чего никогда не было – решать предстоит читателю.

Конечно, случай этот мелкий, не мирового значения. Некоторые людишки очень даже свободно не поймут, в чём тут дело...

Михаил Зоценко

Сиреневые будни

Большие пацаны

Как-то на Новый год был на родине, в своём маленьком городке, где родился, десять лет ходил в эту дебильную школу, развлекая себя пионерией, комсомолом, прогулками с девочками и по дискотекам. На велосипеде, на мопеде, пешком, один и с друзьями излазил городок вдоль и поперёк.

И самой главной опасностью в городе всегда были большие пацаны. И важным было – не встретить больших пацанов.

Потому как они, непонятно по какой причине, постоянно пытались показать тебе, какие они большие пацаны.

И вот, значит, иду я с семьёй на городскую ёлку, поката́ть киндера с горки. Подотстал, прикуривая. А навстречу – большие пацаны.

Ну, такие, лет четырнадцати-шестнадцати.

Аж сердце ёкнуло привычно. А один из них вдруг, извиваясь и заикаясь: «Батя, а огоньку не будет? А то зажигалка сломалась. Ой, батя, спасибо!» И вприпрыжку за своими.

Странное ощущение. Мы, однако, не вырастем, а маскуруемся при помощи возраста. Чтобы показать, что мы – большие пацаны. Хотя внутри – по-прежнему карапеты.

Теорема табака

Борьба с курением – точно такое же зло, как училка, которая и умеющего читать, и не умеющего заставляет произносить слова по слогам – одинаково. Курящий более творчески активен, более ориентирован на возникновение нового, он – исследователь, изобретатель, тот, кто всё движет вперёд.

Поэтому никак не может быть приемлемым установившейся в мире серостью. Доказываю. Допустим – улица, допустим – ветер, допустим – дом. Идёт под ветром мимо дома некурящий человек. Думает всякие мысли, которые не будут важны уже завтра либо – точно – через год. И ещё он думает: улица, ветер. Дом в данном разе ему интересен менее. А курящему – дом весьма важен, ибо у него есть угол, где ветром не задует зажигалку. Он думает: вот – улица, вот – ветер, ого – дом, вот – угол.

А за углом-то как раз самое интересное. Там разные помойки, гаражи, другие домики, где как-то всё же живут всякие люди, о которых курящий человек начинает думать. К примеру, а как они живут с видом на эти помойки и гаражи?

А некурящий проходит мимо, не замечая, не размышляя, не видя – а что там, за углом...

Всегда актуальная притча

Давно это было. Один старый астролог, годами предсказывавший падишаху его судьбу и погоду в царстве, влюбился в нерадивую служанку властителя. До того нерадивую – за что ни возьмётся, непременно испортит: посуда побьётся, тесто закиснет, шаурма подгорит. Потому ей доверяли только одно: стоять подле властителя и обдувать его опахалом из перьев павлинов. Хотя и тут еле справлялась: то об тюрбан зацепит, то машет еле-еле. А астролог влюбился и говорит падишаху: «Я столько лет предсказывал тебе верой и правдой, отдай мне свою служанку. Я научу её трудиться правильно, всё делать вовремя и аккуратно». На что падишах отвечал: «Ты столько лет служил мне верой и правдой, как и многие служат мне верой и правдой. И я с удовольствием отдал бы тебе эту нерадивую служанку. Но на ком, скажи мне, вымещать недовольство? Не на тех же, кто служит хорошо!» Но астролог не отступал. И за его упрямство, в гневе, отослал их падишах на разные края своего необъятного царства. Чтобы они никогда больше не встречались.

С тех пор синоптики и ЖКХ так и не могут встретиться друг с другом.

Ноу-хау

Всю неделю проверял на себе народную примету: если не взять зонтик – обязательно будет дождь, если же его с собой всё время носить – дождя не будет. Товарищи! Просто подумайте: сообщая мы можем руководить погодой!

Анекдот

Встречаются как-то...

Хотя как это – встречаются? Случайно встретились, а так, в целом, личных отношений у них раньше не было.

Да и какие личные отношения у незнакомых промеж собой русского, немца и татарина?

Ой! Погодите! Если они друг друга не знают, то как вдруг встретились? Если я с кем незнаком, то просто прохожу мимо. Но при этом же я его встречаю!

Идёт, представьте себе, незнакомый мне человек, я его, естественно, не узнаю, но встречаю же. Ну, бывает же – незнакомый тебе навстречу. При этом и не встречаю его во все. Я, может, за хлебом шёл. И когда выходил из дома, не думал: «Вот пойду и встречу незнакомца».

И с ума сойти же, если за хлебом, а там сразу немец и татарин! И почему-то немец должен со мной заговорить, а потом и татарин, а я им, русский если, остроумно ответить на кой-то. Да и вряд ли мы с татаринком поймём, о чём немец сказал. Мы ж в немецком – ни в зуб ногой. И как немец поймёт, что я – остроумно, если по-русски ни бельмеса?

Ну, даже если мы все полиглоты или эсперантисты даже, то можем, конечно, встретиться. На форуме каком-либо, на конференции, и даже пошутить вместе можем. Но тогда точно – не как-то. Мы же тогда специально вроде бы туда при-

пёрлись и встретились, а не как-то...

Ну вот, запутался совсем, забыл, о чём хотел рассказать.
Лучше я про другое.

Там встречаются как-то Петька с Василием Ивановичем...

М-да...

Сон в зимнюю ночь

Вообще-то ничего такого не собирался, просто зарылся носом в подушку и, никого не трогая, спал. Ну, так принято по ночам у людей почему-то. Но оказалось, что параллельно, в это же, можно сказать, самое время оно (время) было совсем иным. Век девятнадцатый примерно, где-то его конец. И страна не совсем русская, что-то типа Средней Европы. И там-то я обнажил свою подлую сущность. А незадолго перед тем как обнажить, носил я котелок, чёрный костюм с нарукавникам и безнадёжное ощущение нищеты. По всему выходило, что жил в той Средней Европе конца девятнадцатого я неким клерком без перспектив и перебирал скучные бумаги.

Но как-то нашёл среди них одну, что внезапно окрылила. А всё потому, что носил какую-то странную фамилию типа Вайсман (или Вейсман, или Вермут – это неважно). И обнаружил из бумаг, что в соседнем городе живёт себе в годах мужчина точно с такой же фамилией. И подумал я во сне в конце девятнадцатого: «Однофамилец или родственник?»

Очень мне, нуждающемуся клерку, захотелось богатого родственника в пожилых годах. Он мог бы мне оставить после себя наследства какого-нибудь. Или мог откупиться прямо сейчас, чтобы больше не претендовал. Ну, у них, в Средних Европах, тогда было так принято почему-то. И также,

почему-то, очень захотелось, чтобы прямо сейчас это Вермут-Вейсман от меня откупился. Потому как задолбало быть клерком конца девятнадцатого и хотелось чего-то большего.

Изучая бумаги по родственнику или однофамильцу, узнал, что окончательно понять, кто он мне, поможет ещё один чувак с такой же фамилией. Который, если верить предоставляемым сном бумагам, приходился мне троюродным братом.

И собрал я, значит, свой клерковский саквояж и поехал, типа, в соседний город искать возможного брата и всё у него выяснять.

Сном предъявленный чувак не был похож ни на одного из чуваков, которых знаю вокруг здесь, в начале двадцать первого, чем немного смутил. Но спас положение тем, что парнем был пьющим, весёлым, незатейливым, носил серый котелок и пижонистую тросточку.

А ещё он только от меня и узнал, что мы, возможно, с ним не то родственники, не то однофамильцы, и каким-то боком относимся к местному богатею.

Вначале я пригорюнился, понимая, что в конце девятнадцатого концов не найти. Но незнакомый брат-чувак, напомню, был пьющим и тоже захотел наследства или чтобы откупились. И предложил взять да и заявиться к богатею. А там как пойдёт. Мы взяли и пошли заявляться.

Но немного не дошли, потому что вначале надо было идти по незнакомому городу, а потом через ворота и по огромно-

му парку – к дому, в котором нас и ожидало «как пойдёт».

А тем временем навстречу нам шла красивая-красивая девушка в белой шляпке и с белым зонтиком.

И платье на ней тоже было, естественно. Это же Европа и конец века.

А за девушкой бежал лакей и кричал таким тоном, навряд ли она не сделала или забыла чего-то. «Фройлен Вайсман!» – кричал. Или «Фройлен Вейсман!» А может, и «Вермут» кричал он, я в языках не силен.

А мой новый брат не растерялся, разулыбался и пошёл девушке навстречу со словами: «Вот, оказывается, какая у меня есть сестра!»

Но я – это наследственное – тоже не растерялся и пошёл навстречу со словами: «Как хорошо, что мы оказались однофамильцами!»

Был ли мальчик?

Одного мальчика как-то не взяли. Сразу. Из роддома. Он какое-то время ныкался по углам кладовых, питался абортированными эмбрионами, а когда чуть подрос, стал питаться пьяным акушером. Когда тот кончился, мальчик уже заметно возмужал, надел его халатик и шапочку и сам стал работать акушером. Сказав остальным, что был в отпуске.

Коротко о погоде

Сегодня играли с ливнем в догоняшки. Он догонял. Вышел с работы позднеенько – чуть влажно от дневного дождя. Дошёл до остановки – и валом вода, а тут трамвайчик! В него – едем, впереди дождя нет, сзади льёт. Как только накрыло, трамвай повернул – опять как в раю. Вышел же когда – дождепад погнался за трамваем, а я – по сухому до дома. И у подъезда уже настиг, подлец. Но я пик-пик ключом в замочек и уже из подъезда ему язык показал.

Звонок

Позвонил сегодня Путин, спрашивает:

– Ну как ты там, Мишк?

– Нормально, – говорю, – Олег. Выздоровливаю. Погода только дрянь...

А вы чего думали: Олегов Путиных не бывает, что ли? Мы, например, с ним в одном классе учились.

Правда, если кто мой телефонный справочник листает, озадачивается слегка...

Чёчка

Возможно, это рассказ такой. Дело в том, что давно, но я тоже был маленьким и принялся ходить в детский садик. Не то чтобы сам этого хотел, но как-то вот пришлось. До этого ходил в свой детский садик, но он закрылся на ремонт. Уже было порадоваться летом, что отменилось, но нет – с сентября до следующего лета пришлось оттрубить в другом. Он, правда, тоже потом закрылся и стал отделением пенсионного фонда. Но это случилось намного позже, уже на рубеже веков.

А тогда пришлось привыкать к новым ребятишкам, которые мне не нравились. Мне вообще мало какие ребятишки и выросшие из них люди нравятся, я вообще человечество не очень как-то...

И среди нас была девочка, которая и вовсе человечества боялась. Полненькая и нерусская. Скорее всего – шорочка, поскольку дело было в Горной Шории. Хотя там и киргизы, и азербайджанцы, и даже вьетнамцы проживали; давно было – я тогда национальностями не интересовался, да и сейчас не очень как-то...

А выражался страх её в том, что постоянно молчала, ни с кем не общалась, а если её трогали задиристые пацаны, сразу кричала «Чё?!» и редела в голос, запрокинув голову назад.

Пацаны прозвали её Чёчкой и порой специально, для раз-

влечения, подходили и касались пальчиком толстенького бока. Меня так они и познакомили с новой группой: тут у нас кубики, тут мы кушаем, а это у нас Чёчка.

И тык пальцем в бок.

А она «Чё?!» и, голову запрокинув, слёзы ручьем.

– Почему Чёчка? – удивился я странному имени, подспудно думая про нерусскость.

– Потому что всегда «чё» говорит и ревет, – солидно объяснил задиристый пацан и показательно опять ткнул её пальцем в бок. С тем же результатом.

Пару недель думал, что Чёчка так реагирует только на задиристых пацанов, сам таким не был. Не поступал с другими, как не хотел бы, чтобы со мной, – наверное, этому научили в прошлом детском садике. И решил с Чёчкой пообщаться.

Подошёл на прогулке и разьясняю: мол, нельзя так реагировать, а то тебя всегда специально задирать будут.

И показал, как будут задирать – ткнул пальцем в бок.

«Чё?!» – заревела Чёчка и стала совсем неинтересной.

Не, наверное, это басня была.

Мораль: не будьте Чёчками. А то жизнь покажется не очень как-то...

Кормилец

Родился я на окраине пригорода, там и жили, и оттуда в первые классы топал. Советский пригород – это когда один магазин, куда надо минут двадцать идти за хлебом, который к трём-четырёх дня заканчивался, и если не успел, то сиди без него. Или шагай в город минут сорок туда и столько же обратно (как вариант, жди автобуса, проходящего раз в час по неизвестному расписанию). Умные старшие (мама и сестра) поэтому покупали хлеб в городе, где тусили на работе-учёбе, так что проблем не предвиделось.

Но как-то получилось, что на несколько часов им пришлось оставить меня одного – не знаю причину, но предупредили и попросили навряд ли как-то постараться себя хорошо вести. Я начал стараться. Тем более что был уже трёхлетним и о себе много чего понимал. Например, что если хочу есть, то когда поем, потом не хочу. И что ем вообще-то недолго. Так размышляя, сидел за кухонным столом и смотрел в окно на огород. Было, конечно, скучновато, но сидел смирно, вообще не рыпался: не гонялся за кошкой и не играл в солдатики. Под окном возились три курицы, они чего-то разгребали лапками и искали в этом еду. Курицы были голодными, и их нужно было покормить. Ведь когда я хотел есть, старшие меня кормили, правильно? Теперь в доме только я за старшего. Но чем кормить куриц – не знал.

Тут и попалась на глаза булка хлеба. Встал на подоконник,

открыл форточку и начал отламывать от булки и крошить вниз. Куры обрадовались и весело клевали. Судя по времени, они уже скоро должны были наесться. Но вдруг набежало ещё куриц и даже петух. Они тоже хотели есть. И почему-то не останавливались, почему-то не наедались. Я устал крошить хлеб.

Надо же было тянуться на цыпочках, заносить руку в форточку. И за полчаса любой бы упурхался. Даже пальцы крошить и отламывать заболели. Потому решил, что хватит, обнаглели. Пусть крошат сами. И выкинул им оставшиеся полбулки, которые куры вначале охотно принялись дербанить, а потом внезапно решили проигнорировать.

Им по-прежнему хотелось, чтобы за них крошили, а не отщипывать самим. Остаток хлеба вывозили в грязи и бросили. Наглые и тупые существа – подумал. И хлеб выпросили, и есть не стали. А ещё понял, что так устал с ними, что захотелось спать. Что и сделал: укрылся на кровати одеялом, так меня вечером старшие и застали.

Сели ужинать, начали искать хлеб. Не нашли. Я рассказал, что покормил им курочек. Показал в окно на грязные останки, и самому очень захотелось хлеба. Старшие расстроились и начали меня ругать. Инициатива наказуема – решил. И на всех обиделся: и на взрослых, и на куриц.

Школьная пора

Я научился читать в четыре года и горжусь тем, что единственным в первом классе прочёл букварь до конца. Ещё в сентябре. Представляете – там же ещё были рассказы. О Ленине.

И о девочке Лене, и воздушном шарике. И я их всё время путал.

Лену с Лениным.

А не с шариком, как вы подумали.

Или ещё одно странное открытие – школьный звонок. Ждёшь его, ждёшь. Он значимый. От него отталкивается самое важное в школьной жизни: расписание, перемена, обед. И порой такой спасающий, такой желанный, что кажется, его включает директор. Кажется, что только директор имеет право руководить школьным звонком: освобождать от нелюбимого учителя или зазывать на урок. Но на самом деле звонок включает банальная техничка.

Порой узбекского происхождения. Порой – без образования. Порой неопрятная полная тётка. Та самая, что так и норовит шугануть, чтоб не бегали.

И понимаешь в итоге, что, в основном, нашу жизнь регламентируют обычные технички.

Классическая подстава

В пятом классе я получил по литературе двойку из-за Пушкина. Обычно по литературе у меня всегда были пятёрки, поэтому расстроился очень. А дело так было. Новая учил-ка у нас по этому предмету стала, потому как предыдущая ушла в какой-то декрет. Вначале мы радовались, потому что она была строгая и придиралась, если оговориться. Она считала, что мы специально оговариваемся, чтобы ей досадить.

Но мы – не специально. Мы ещё маленькими были и не знали всех слов. А новая очень душевно рассказывала про поэтов всякое, но спрашивала ещё строже. И как-то задала нам на дом выучить стишок Пушкина «К Чаадаеву». Вот за него я неуд и схлопотал. Была у нас книжка Пушкина не со сказками. Стал я оглавление просматривать, вдруг есть такой стишок. Потому что заходил в школьную библиотеку, а книжки с тем стишком уже разобрали. Книжек завсегда меньше, чем детей, которым задали. А дома нашлось! Лёгкое к тому ж! Коротенькое. Такое вот:

Он высшей силою небес
Рождён во славу службы царской!
Он в Риме был бы Брут,
В Афинах – Периклес,
А тут он – офицер гусарский!

Заголовок стоял «К Чаадаеву». Я быстренько выучил и назавтра, когда к доске вызвали, прочёл. Удивлялся перед этим, что другие дети какое-то длинное читают. «Лохи, – думал, – не то какое-то». Но училка им пятёрки ставила, а мне двойку вlepила и сказала, что это я не то выучил. Да как не то, блин! Там же заголовок! И автор – Пушкин! Всё то! Принёс я назавтра эту книжку – тычу. Учительница и сама удивилась, что, оказывается, у Пушкина два стишка есть с одинаковым заголовком. Но всё равно заставила длинный учить. Вот ведь гад какой Пушкин этот. Подставил! Зачем два одинаковых заголовка сделал? Специально, чтобы детей запутать – решил. Как-то я сразу невлюбил всех, кто одинаковые заголовки шлёпает. Ну и вообще поэтов – заодно.

Сила искусства

Когда школьником впервые увидел картину Сурикова, то боярыня Морозова показалась мне полной злобной бабкой. А сейчас вижу, что это привлекательная молодая женщина. Вот она, высокая сила искусства!

Старый вопрос

Со времён начальной школы запомнился рассказ из учебника, вроде как «Родная речь» – был такой. Про подвиг девочки, родители которой были подпольщиками. Типа девчонка пролетариев приболела, и ей требовалось давать тёплого молока. Родители прикупили крынку (как я понимаю: крынка – это такой глиняный кувшинчика литра в полтора), а на ночь, чтобы не прокисло, поставили на подоконник в спальне.

А ещё родители эти были хранителями типографского шрифта для большевистских листовок. А тут, блин, с обыском. Сунули сонной девчонке шрифт под подушку, она и проснись, при том – сообрази, что к чему.

Словом, пока полицейские обыскивали другие помещения, девчужка шрифт – в крынку, а молоко-то куда девать? Вот она его пьёт, давится уже, а пьёт. Свежее молоко. Из-под коровки. Сытное. С привкусом типографских чернил – получается.

Отсыплет внутрь шрифта, по закону Архимеда молоко к краю, опять дует. Так и спрятала и предков не запалила, когда полицейские всё же в спальню заперлись и додумались детскую кроватку обыскать. Родители сами удивились, куда шрифт из-под подушки делся?! Девчонка победоносно потом им и поведала, как молочка нахлебалась. И тогда ещё, в

начальной школе, появились у меня если не к рассказу, то к ситуации вопросы. Ну, что хворый ребёнок холодного молока для увеличения ангины наглотался, а родители обрадовались – ещё ничего. Во имя революции же и дитя родное не жалко. Тут в другое дело.

Пробовали когда-либо литр молока захлёб выкушать? Фиг с ним, чернил привкусом, просто взять и литр в себя?! Даже взрослому за пять минут не управиться. Сколько же по времени она пила?

И во время этого, заметим, полицейские обшаривали какие-то «другие комнаты». То есть комнат у дореволюционных пролетариев было несколько. А не как у меня, человека века 21-го – одна.

И второй вопрос: бедные-пребедные эти пролетарии где-то взяли и запросто купили полтора литра молока, когда им понадобилось. Просто взяли и купили. На свои нищенские дореволюционные зарплаты. Что я себе запросто, к примеру, на постсоветском уже пространстве не всегда могу и позволить: ещё подумаю – брать молока или на чём другом подэкономить. И вытекающий, основной вопрос. Какого лешего при молоке и стольких комнатах им понадобилась эта революция?

Как мы с герой переписали историю физики

Само собой одноклассники награждают друг друга кличками, некоторые прилипают сразу и надолго. Всегда доставалось и учителям, разумеется.

Из поколения в поколение нашего учителя Георгия Алексеевича называли Гера. Иногда – Гера-пингвин. Мужичок был маленького ростика, крепенький и действительно походил на пингвинёнка. Но это злое прозвище. В основном, на выпускном девочки исписывали подоконники: «Гера – любовь моя!» Потому как всё же обаятельный, чернобровый мужчинка, заядлый охотник, рыбак и водил нас в турпоходы. Был он нашим классным руководителем, но вообще-то вёл уроки физики, то есть давал лекции, которые мы записывали, изучали, что по тем временам было передовой методикой. При чтении лекции, упоминая того или иного учёного, непременно проговаривал – «английский учёный» или «великий английский учёный». Тем самым расставляя приоритеты. Мол, этот великий, ибо заложил, а тот просто, ибо подхватил и развил.

По какому принципу он сортировал этих учёных, мне до сих пор неизвестно.

А как-то приболел я, то есть какое-то время не посещал школу. Тем временем по телевизору показывали польский

сериал про Вторую мировую, где партизаны, естественно, колошматили фрицев и наоборот. Из забавного в фильме были только польские фамилии, такие как Соловейчик, Бугайчик, Готовчик.

А сериалы по телевизору, надо сказать, при отсутствии компов, видео и какого-либо выбора телеканалов вечерами смотрели все. То бишь, приступая к обсуждению, разговор начинали не словами: «Ты видел такой-то сериал?», а так:

«Вот в этой серии они вообще круто...» Без упоминания названия фильма, ибо все смотрели одно и то же. И ученики, и учителя. И вот прихожу в школу, пропустив несколько дней, а на уроке физики Гера даёт вторую лекцию по «правилу буравчика», я тему не секу, не знаю, как записать в тетрадь. А он всё – буравчик, буравчик, буравчик. А до этого ж были «закон Ома», «принципы Галилея», «закон Гука» и даже «закон Гей-Люссака». И на полном серьёзе спрашиваю во время урока: «А Буравчик просто учёный или великий польский учёный?» И тут же понимаю, что сморозил чушь, потому как весь класс начинает ржать. Каждый из них, и Гера в том числе, сообразили, откуда растут ноги у такого вопроса: из сериала со смешными фамилиями.

«Английский, – улыбнулся Гера. – Великий английский». И класс просто покатывается от смеха. И когда эта почти истерика утихла, начисто лишённая чувства юмора отличница Наташа вдруг спрашивает: «Не поняла. Как мне записать: польский или английский?» И Гера, и весь класс при-

нялись медленно сползать до пола. Более весёлого урока в своей жизни не припомню.

Более того, и годы спустя, читая лекции по правилу буравчика, Гера продолжал шутить с учениками: «Буравчик – великий польский ученый». Уверен, что люди без чувства юмора до сих пор считают, что это так и есть. Вероятно, даже при разгадывании кроссвордов вспоминают Буравчика как учёного.

А польский кинематограф был же чудо! Правда?

Первое сентября

Вчера шкандыбал на работу, пёхом захотел. Кругом ото-вседова школьников лезет: кто туды, кто навстречу. «Линейки кончились», – подумал Штрилиц. И такие, блин, в фартучках девчули все почти, словно вдруг откуда ни возьмись – власть советска появьсь. И внезапно навстреч по виадуку две крали нарисовались в кожанках, да так клёво прикинуты – вот бы ещё чёлочки с мылом напушить, точненько как в моей юности ходили. Старшекласницы! Миленькие, юные, без оспинки на щёчках. Мимо проходя, одна другой говорит: – А первоклашки уже догадались, что им на одиннадцать лет пи...? – и хихикнули.

Я в уме тоже. Оно так. «Верно подмечено», – подумал Штирлиц. Однакось в моё время при старших школьники стеснялись матюгаться. Любой из взрослых мог за это ухо накрутить. А сейчас ринешься – садистом-педофилом обзовут, да в кутузку можно загреметь. А туды ли котимся?

Молин

Молина все побаивались. Он был военруком 4-й школы, соперничающей с нашей. И отчего-то уважаем всеми школьными военруками: на военных сборах всегда был главным.

Не то чтобы был строг, но на язык остёр, так мог снисходительно припечатать, что не знаешь, что делать: краснеть или бледнеть. Так что на глаза ему лишний раз старались не попадаться и в разговор с ним не вступать. Если с нашим военруком ещё можно было препираться, посмеиваясь на его речь с этими вечными «средства», то Молин за словом в карман не лез.

А военные сборы у старшеклассников тогда проходили не то, что нынче – в домашнем режиме. А с двухнедельным выездом за город, в казарму. С пробежками по три км по утрам, с рытьём окопов, марш-бросками по болоту – по пояс. Словом, что Молину приспичит, то и делали.

С полгода после сборов прошло. Соседка моя по лестничной площадке в 4-й школе училась. И как-то попросила пластинок для какого-то мероприятия – я собирал же, до сих пор с собой вожу ту коллекцию древности, ныне вдохновенно называемую – винил... И вот: не отдаёт долго. Спрашиваю, когда отдашь? Плечами жмёт. Говорит, после мероприятия их Молин взял послушать, а она к нему походить боится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.